

В целях закрепления кадров при поступлении на службу в милицию работники давали письменное обязательство прослужить не менее двух лет, которое оформлялось вновь по истечении указанного срока при продолжении службы [3, п. 28]. Устанавливался также срок службы по окончании учебного заведения милиции в течение которого работнику запрещалось увольняться из расчета два месяца службы за один месяц обучения, но в общем не менее двух лет [3, п. 29]. При этом при исчислении прибавки к заработной плате за выслугу лет для лиц, окончивших учебные заведения милиции, время обучения в них принималось в расчет в двойном размере [3, п. 42]. В вышеуказанном положении были закреплены ограничения в связи со службой в милиции: «воспрещается работа по совместительству, а также платная работа не по найму» [3, п. 43]. Указанные ограничения не распространялись на литературную, педагогическую, медицинскую, научную, художественную и артистическую работу и на работу лиц среднего, старшего и высшего начальствующего состава в качестве специалистов в государственных и общественных органах. Вышеназванные аспекты указывали на особый характер прохождения службы в милиции, отграничивали ее от общей трудовой деятельности.

Придавая особое значение начальствующему составу милиции, ЦИК и СНК СССР 3 июля 1936 г. приняли постановление «Об утверждении Положения о прохождении службы начальствующим составом рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР». Особенностью данного акта являлось то, что в нем устанавливались предельные сроки пребывания на службе, которые зависели от специальных званий. Например, для лиц, имеющих специальное звание «старший майор милиции» и выше, устанавливался срок службы до 55 лет [4, п. 23]. Однако НКВД СССР имел право оставлять на службе отдельных лиц начальствующего состава на сроки, превышающие возрастные пределы службы в милиции [4, п. 25], при этом при исчислении срока выслуги лет назначения пенсии один год службы сверх установленного срока засчитывался за два года [4, п. 27]. В качестве гарантий особой правовой защищенности начальствующего состава милиции было установлено, что «ни одно лицо начальствующего состава..., имеющее специальное звание, не может быть подвергнуто аресту следственными органами без особого разрешения народного комиссара внутренних дел Союза ССР» [4, п. 38].

Таким образом, проанализировав вышеуказанный этап развития правового регулирования прохождения службы в ОВД, можно сделать вывод о том, что исторически прохождение службы в данных органах имело черты как военного органа, так и гражданской организации. Данное обстоятельство подчеркивает многоаспектность отношений при прохождении названного вида государственной службы и как ре-

зультат – сложность их правового урегулирования. Вместе с тем только лишь качественное правовое регулирование прохождения службы в ОВД Республики Беларусь, как особого вида государственной службы, обеспечит выполнение основных задач данной службы в целом посредством надлежащей реализации полномочий сотрудниками.

Список использованных источников

1. Сиваков, Ю.Л. Мотивационные факторы, детерминирующие престижность и результативность государственной службы в органах внутренних дел / Ю.Л. Сиваков // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2014. – № 1. – С. 30–34.
2. Положение о службе рабоче-крестьянской милиции БССР : постановление ЦИК и СНК БССР : 7 авг. 1926 г. // СЗ БССР. – 1926. – № 35. – С. 249–465.
3. Положение о рабоче-крестьянской милиции : постановление СНК СССР, 25 мая 1931 г. // СЗ СССР. – 1931. – № 33; 1932. – № 80; 1934. – № 12; 1936. – № 21.
4. Об утверждении Положения о прохождении службы начальствующим составом рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР : постановление ЦИК и СНК СССР, 3 июля 1936 г. / Архив МВД Респ. Беларусь. – Ф. 51. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 2.

УДК 34(09)(476)

С.В. Шабельцев

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МВД БССР И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ ОБУСТРОЙСТВА РЕЭМИГРАНТОВ В 1950-х гг.

Повседневная жизнь БССР во второй половине 1950-х гг. была обогащена появлением в республике сотен реэмигрантов, которые возвращались на родину на постоянное жительство из Канады, США, Парагвая, Уругвая и Аргентины. Эти люди меняли американскую действительность на пленившую их воображение жизнь в Советском Союзе. Термин «реэмигранты» касался тех белорусов, которые приняли гражданство СССР за границей, где оказались до Второй мировой войны, выехав из Западной Беларуси, входившей в состав межвоенной Польши. После обмена своих польских паспортов на советские в 1946–1947 гг. белорусы ждали разрешение на выезд в СССР. Каждое прошение на переезд рассматривалось советскими органами в индивидуальном порядке после наведения детальных справок и прохождения нескольких инстанций. Иногда эти процедуры длились более одного года, а решение по вопросу о въезде в СССР нередко было отрицательным.

Массовая реэмиграция стала возможной после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г.: в п. 8 этого указа Совету Министров СССР поручалось принять меры к облегчению въезда в страну советским гражданам, находящимся за границей, и их трудоустройству в СССР [1]. Правительство пошло на упрощение процедуры оформления документов для въезда в Советский Союз: постановлением от 11 января 1956 г. № 37-26 оно предоставило, например, право советскому посольству в Аргентине самостоятельно разрешать въезд в СССР советским гражданам, которые постоянно проживали в этой стране.

Вследствие принятых решений открылось массовое переселение бывших польских граждан, в первую очередь, в Беларусь и Украину. В 1950-х гг. МВД БССР осуществляло учет, документирование и прописку реэмигрантов. Известно, что за 1955 г. и I квартал 1956 г. в Беларусь только из Латинской Америки прибыло 682 человека [2, л. 84]. По состоянию на 25 декабря 1956 г. в БССР проживало 1 128 граждан, вернувшихся из-за границы [3, л. 6].

По приезду в СССР реэмигранты проходили таможенный осмотр, получали документы (зарубежный вид на жительство менялся на постоянный советский паспорт), обменивали иностранную валюту на советские деньги, а затем направлялись к месту постоянного жительства. Органы Советской власти ставили на первое место выполнение двух задач: обеспечение приезжих жильем и их трудоустройство. Как правило, реэмигранты возвращались в свои родные места, но в условиях послевоенной разрухи в указанных областях не для всех можно было подобрать жилье и работу, поэтому представители Советской власти иногда агитировали за поселение в других районах СССР, в частности, в Донбассе. В результате этого многие реэмигранты-белорусы поехали на восток Украины. Так, из 779 человек, прибывших на теплоходе «Сальта» из Буэнос-Айреса 5 августа 1956 г. и пожелавших жить в УССР, 275 человек (в том числе и белорусы) были направлены в Сталинскую область [4, л. 44].

На месте прибытия реэмигрантов прописывали и устраивали на предприятиях, в учреждениях и колхозах. Проживали они в коммунальных и ведомственных квартирах, у своих родственников, на частных квартирах и в собственных домах. Нуждавшимся выдавали земельные участки под огороды, отпускали посевные культуры и оказывали материальную помощь. Секретарь ЦК КПБ Т. Киселев в январе 1957 г. указал, что в рамках выполнения постановления ЦК КПСС от 26 октября 1956 г. «О мерах улучшения работы среди советских граждан, возвратившихся из-за границы на жительство в СССР» Совет Министров БССР и исполкомы областных Советов депутатов трудящихся этим гражданам выделили в порядке единовременной помощи 462 тыс. р.,

а также выдали ссуды на строительство и на обзаведение хозяйством в размере 231 тыс. р. Кроме того, местные Советы отпускали необходимые строительные материалы, а предприятия и колхозы оказывали помощь в строительстве жилья [3, л. 6].

Проблема состояла в том, что многие реэмигранты после прибытия в родные деревни всеми силами хотели переселиться в город, поскольку видели разницу в образе жизни колхозников и горожан. Побыв в деревне некоторое время, они уезжали в Минск, Брест или другой крупный город и пытались там прописаться. Почти всегда по прошествии некоторого времени переселенцы добивались городской прописки, поскольку представители местных органов власти с особым вниманием относились к их просьбам.

Следующей задачей властей было трудоустройство реэмигрантов. О профессии переселенца часто узнавали только по его прибытию в СССР, что затрудняло выполнение этой задачи. Вызывает интерес профессиональный состав реэмигрантов, которые прибыли в СССР на одном из пароходов из Буэнос-Айреса: строительные рабочие – 119, разнорабочие – 108, промышленные рабочие – 73, портные – 49, ткачи – 29, шоферы – 29, сапожники – 6, служащие – 14, крестьяне – 36, не имело профессий – 171 человек [5, л. 35].

Приведенные данные показывают, что реэмигранты, в большинстве своем, не были высококвалифицированными специалистами, поэтому их трудоустройство не создавало проблем: для них в городах искали работу по специальности, а в сельской местности устраивали в колхозы. Из 320 семей, прибывших на жительство в Брестскую область, 70 направлены на село, где все вступили в колхозы [3, л. 6]. В Минске реэмигранты часто устраивались на работу на Минский радиозавод или камвольный комбинат.

Приезд реэмигрантов имел важное политическое значение для Советской власти: белорусы, вернувшиеся из-за океана, предпочли жизнь не в «мире капитала», а при социализме. С целью предотвращения недовольства переселенцев и для осуществления постоянного контроля за их обустройством при Совете Министров БССР была образована правительственная комиссия. Периодически проводились проверки трудового и бытового устройства реэмигрантов. В ноябре 1956 г. такая проверка показала, что в БССР не были трудоустроены 28 реэмигрантов, а 80 семей не были обеспечены жильем (прежде всего в г. Минске, Бресте, Барановичах и Кобрине). Отмечались и некоторые «факты неправильного отношения местных советских органов и руководителей хозяйственных организаций». Примером выступали три брата Галюка (Петр, Освальд, Михаил), которые были заселены в одну комнату общежития 18 строи-

тельного треста, в котором работали. Братья подали заявление о выезде из СССР, но «настроение их улучшилось» после выделения им квартиры в построенном доме [3, л. 7–8].

Реэмигранты, подававшие заявление о возвращении за границу на прежнее место жительства, находились на особом контроле у властей, к ним было приковано особое внимание советских государственных и партийных органов. МВД СССР периодически предоставляло сведения о тех, кто обращался в Москве в посольства стран своего бывшего проживания с целью возвращения [6, л. 85]. Это свидетельствовало о том, что среди переселенцев были распространены «нездоровые настроения», как представлялось партийным руководителям – «без всяких на то оснований» [3, л. 8]. Действительно, по сравнению с остальными советскими гражданами приезжие из-за океана находились в привилегированном положении, что порой вызывало недовольство и отдельных советских граждан, переживших войну и период восстановления народного хозяйства [7].

С целью выяснения причин недовольства реэмигрантов периодически проводились проверки их обустройства по месту жительства и работы. Так, в декабре 1958 г. была проведена проверка реэмигрантов в Брестской области. На тот момент в данный регион переехало «из различных капиталистических стран и главным образом из стран Латинской Америки свыше 350 семей советских граждан, составляющих около 800 человек. Из этого количества реэмигрантов в гор. Бресте размещено 65 семей, в Пинске – 34, в Барановичах – 17, Кобрине – 30, а остальные расселились в райцентрах и деревнях области». Отмечалось, что «Облисполком, городские и районные Советы депутатов трудящихся, а также партийные органы области уделяют значительное внимание трудоустройству реэмигрантов по их специальностям, принимают меры к быстрейшему обеспечению их жилплощадью, выделяют им в необходимых случаях из своих фондов строительные материалы и выдают денежные ссуды для строительства индивидуальных домов, оказывают им материальную помощь, реагируют на их жалобы и запросы» [6, л. 89].

Тем не менее некоторые реэмигранты были неудовлетворены своим положением. Проживавшая в г. Пинске семья Кравценюков была обеспечена коммунальной квартирой, члены семьи трудоустроены по специальностям и зарабатывали не меньше тех, кто работал вместе с ними. Но тем не менее во время бесед эти лица выразили недовольство своим заработком: «реэмигрант Кравценюк, хотя и зарабатывает с женой 1200–1300 рублей в месяц, имея двух иждивенцев, цинично заявил, что в Аргентине, якобы, мог бы получать по безработице больше, чем здесь на работе» [6, л. 92]. Другие, как гражданка Коретко, подавали

ходатайство на выезд, что мотивировали скучной жизнью в советской стране и привычностью жизни в Аргентине, где для нее все является родным и близким. При этом Коретко зарабатывала в среднем 650 р. в месяц, неоднократно получала на фабрике премиальные и безвозвратную денежную помощь. Ее семья имела жилье, дочь посещала школу и по линии родительского комитета получила зимнюю одежду, обувь, обеспечивалась бесплатными горячими завтраками, а сын был устроен бесплатно в круглосуточный детский садик [6, л. 91].

Высказывали недовольство и немногочисленные переселенцы из Канады. Глава семьи Кучинских работал электромонтером на Пинской электростанции и получал 650 р. в месяц. В беседе заявил, что в СССР он надеялся зарабатывать не менее 1500–2000 р. в месяц, как это ему, якобы, было обещано в посольстве СССР в Канаде. Его жена заявила, что она презирает за некультурность жителей г. Пинска, кроме работников горисполкома, и до сих пор не может примириться с окружающей ее действительностью, и заработка в 650 р. в месяц им не хватает [6, л. 91–92].

Реэмигранты, которые настаивали на возвращении за океан, не могли это осуществить в 1950-х гг., поскольку реэмиграция для СССР имела важное внешнеполитическое значение, а возвращение реэмигрантов могло поставить под сомнение преимущества советского строя перед капиталистическим. Советские полномочные органы разрешили реэмигрантам вернуться за океан только спустя несколько лет. Примером могут служить реэмигранты из Аргентины: на возвращение могли рассчитывать только те из них, кто получил вызов от родственников, или те, кто имел в составе семьи аргентинского гражданина. Данные Архива МВД Республики Беларусь позволяют провести подсчет выезда этих реэмигрантов из БССР с 1964 по 1971 г. включительно – таковых оказалось 202 человека [8, л. 78] (из общего количества реэмигрантов из Аргентины в 1,5–2 тыс. человек).

Таким образом, МВД и другие государственные органы БССР осуществляли активную политику по обустройству реэмигрантов: проводилась паспортизация приезжих, они обеспечивались жильем и работой (часто вне очереди) на передовых советских предприятиях. Поддержка реэмигрантов проявилась в выделении им безвозвратной материальной и денежной помощи, ссуд на строительство и на обзаведение хозяйством. Широкие программы поддержки ставили реэмигрантов в привилегированное положение по сравнению с остальными советскими гражданами. Тем не менее часть реэмигрантов не были удовлетворены новой действительностью, что вызывало к ним особое внимание со сто-

роны органов Советской власти. Эта категория реэмигрантов не могла немедленно вернуться в страны своего прежнего проживания, но они получили такую возможность в середине 1960-х гг.

Список использованных источников

1. Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : Указ Президиума Верховного Совета СССР, 17 сент. 1955 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1955. – № 17 (835). – Ст. 345.
2. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 904. – Оп. 1. – Д. 26.
3. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. – Оп. 62. – Д. 461.
4. Центральный державний архів громадських об'єднань України. – Ф. 1. – Оп. 24. – Д. 4403.
5. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 904. – Оп. 1. – Д. 38.
6. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. – Оп. 62. – Д. 489.
7. Письмо С. Самасюка от 1.06.1966. // Архив Общества «Радзіма». – Папка «Самасюк».
8. Шабельцев, С.В. Украинцы и белорусы в Аргентине: общественно-политическая деятельность и связи с родиной (1945–1991 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / С.В. Шабельцев. – Минск, 2005. – 116 л.

УДК 343.341

А.В. Скоробогатый, А.И. Мурашко

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В БССР

По-прежнему серьезными угрозами национальной безопасности являются транснациональная и национальная организованная преступность, коррупция, незаконная миграция, торговля людьми.

Современные вызовы преступности требуют эффективных решений по ее сдерживанию. Особо актуальной для науки и практики борьбы с преступностью является задача предупреждения ее отдельных видов, в том числе организованной. Следовательно, познание и объяснение специфических проявлений в современных условиях, всех факторов, обуславливающих отдельные виды преступлений, изучение личности преступника XXI в., подготовка прогнозов развития рассматриваемых видов преступности и индивидуального преступного поведения – ключевые задачи юридических наук. А организация результативной борьбы, например, с организованной преступностью позволит улучшить криминологическую обстановку в республике [1, с. 3].

Перед тем, как принимать какие-либо инновационные решения, следует заглянуть в историю и проанализировать, каким образом осуществлялась борьба с организованной преступностью в более ранний период. В данном исследовании будет рассмотрено развитие законодательства в сфере борьбы с организованной преступностью в БССР.

Так, в XX в. влияние организованной преступности на жизнь общества значительно возросло по сравнению с предыдущими столетиями. Это подтверждается существенными изменениями уголовного законодательства в этот период. Проявилось и такое системное качество преступности, как фрактальность (самоподобие): все последующие формы преступной самоорганизации напоминали по своей структуре предыдущие, но на каждом этапе своего развития представляли перед законодателем во все более усложненном виде. Так, понятие «шайка» длительное время использовалось в советском праве: в 1947 г. совершение преступлений шайкой было введено в качестве квалифицирующего обстоятельства в такие составы, как кража и разбой.

Начальный период становления Советского государства и права проходил под влиянием идей В.И. Ленина о необходимости слома старого, государственного аппарата, отмены норм буржуазного права и создания государства диктатуры пролетариата с соответствующей этому государству системой правовых норм.

Однако создать новое государство и право в одночасье оказалось невозможно, поэтому уже в первых декретах Советской власти судам предлагалось руководствоваться в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств, но с оговоркой «лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [2, с. 641].

К началу 1918 г. внутренняя и внешняя обстановка в стране резко обострилась, приняла угрожающие размеры разгул бандитизма, что потребовало усиления репрессий в отношении врагов революции, к которым относились, кроме бандитов, «все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам» [3]. Известность получила банда Эболи и его сообщницы Бритт, которые, выдавая себя за представителей Советской власти, под видом обысков проникали в дома и совершали кражи, грабежи и разбои. 26 февраля 1918 г. по решению коллегии ВЧК они были расстреляны [4, с. 101].

В УК РСФСР 1922 г., нормы которого определенный период действовали и на территории Белоруссии, понятия, характеризующие деятельность преступных групп и сообществ, все еще не были разработаны, и только при определении мер социальной защиты (так именовались меры наказания) надлежало учитывать совершение преступления такими групп-